

Станислав Ливчинский

СМОТРЕТЬ НА СНЕГ

•

Как измеряет мальчик лужу
и не торопится домой,
и мать, зовущая на ужин,
всплеснет руками — боже ж мой!
Еще отец, когда проспится,
задаст по первое число.

Все это было и прошло,
и никогда не повторится.

Нигде, ты слышишь, никогда!
Ни плача детского, ни смеха!
Лишь продолжительное эхо
и ощущение стыда,
что мальчик вырос и уехал.
Зачем?! А главное — куда?!

•

Поставил дом, повесил там икону
и сад разбил до самого моста,
и прикормил бесхвостую ворону,
и подобрал бездомного кота.

Неважно как. Чуть лучше или хуже,
отбросив сразу несколько нолей,

ты прирастаешь облаком и лужей,
и строим новобранцев-тополей.

Вином и хлебом, глиняной посудой,
словами вдоль обочины листа.
С тех пор, когда носки расплел Иуда,
с тех пор, как сняли бедного Христа.

Не все ж выискивать Венеру
на мрачном поприще небес,
распространять чужую веру
и, как процентов, ждать чудес.

Форсить в цилиндре из картона,
скакать за тридевять земель
спасать Лауру иль Матрену,
тащить спасенную в постель.

Ходить за главными словами,
как будто девка по грибы.
По полной огребать программе
от этой, как ее, судьбы.

Но лучше, взяв на дачу кошку,
трястись в автобусе, зевать.
И самому сажать картошку,
кусты сирени обстригать.

Как будто все непрочно, шатко.
Стоянка — в прошлом спортплощадка.
Казарма — бывшая тюрьма.
И снова теплая зима.

Я и себе уже не верю.
Ушел, зачем-то хлопнул дверью.
Разбил стекло, подвел итог.
Размен квартир, возврат фамилий.
Как будто разом подменили
и в сердце врезали замок.

Как будто небо... даже небо
берет все время на слабо.
И я, как старенький троллейбус,
мечтаю втайне о депо.

Но посредине разговора,
каких у нас с тобою — тьма,
я строю вновь песочный город
и по тебе схожу с ума.

●

Сперва пешком ходил под стол,
ну а потом сидел за оным
и чушь прекрасную молол,
и с виду выглядел влюбленным.

А после ныл, что жизнь груба
и счастья нет на белом свете.
Но стол сломался, и судьба
поправку сделала на ветер.

Пришли соседи, сняли дверь
и притащили табуреты.
И ты, дружок, на ней теперь
лежишь, с иголки одетый.

Я с детства не любил индийское кино,
за вычурный сюжет и приторные песни.
Площадка во дворе, кормушка за окном —
они казались мне намного интересней.

Но разве в этом есть какая-то вина,
что долгая зима милее мне, чем лето,
что помню до сих пор, как женщина одна,
снимая бигуди, стояла против света.

Не упрекай за то, что все наоборот,
что я не выношу ни музыки, ни шума;
за то, что я люблю смотреть, как снег идет,
люблю смотреть на снег и ни о чем не думать.